

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Рагулина М.В. Лингвистический и культурный ландшафты в междисциплинарном взаимодействии: современные подходы к исследованию // Социодинамика. 2024. № 11. С. 32-43. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.11.72526 EDN: SOOUTH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72526

Лингвистический и культурный ландшафты в междисциплинарном взаимодействии: современные подходы к исследованию

Рагулина Милана Владимировна

доктор географических наук

ведущий научный сотрудник; Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН

664033, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1

✉ milanara@yandex.ru

[Статья из рубрики "Наследие и трансформации"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2024.11.72526

EDN:

SOOUTH

Дата направления статьи в редакцию:

28-11-2024

Дата публикации:

05-12-2024

Аннотация: Предмет исследования состоит в анализе трактовок лингвистического и культурного ландшафтов и методов их исследования, сформулированных под влиянием мировоззренческих парадигм. Статья посвящена анализу современных подходов к изучению лингвистического и культурного ландшафтов в контексте междисциплинарных пересечений. Лингвистический ландшафт, как научный концепт и подход, оформился в 1990-х гг. Первоначально сфокусированный на видимых лингвистических знаках, он ускоренно ассимилирует полимодальные аспекты языкового пространства. Такое пространство расширяется от физического к социальному, символическому и виртуальному. Изучение культурного ландшафта началось с морфологических и сциентистских ветвей. Они развивались в течение столетия, и уже в конце XX в. были

обогащены вхождением пространственных символов, семантики, географической семиотики, нарративных подходов и понятий конкурирующих социопропространственных дискурсов. Методической основой стал сравнительный анализ предметных сфер и потенциала концептов лингвистического и культурного ландшафтов на базе новой культурной географии, социологии культуры и пространства, а также социальной лингвистики. Новизна исследования заключается в сопоставлении ключевых метафор и трендов теоретической эволюции концепций лингвистического и культурного ландшафта, нахождении потенциальных точек соприкосновения и взаимной интеграции. Траектории теоретизирования лингвистического и культурного ландшафтов обнаруживают содержательное сходство при различающихся темпах освоения новых исследовательских доменов. В результате выявлена эволюция лингвокультурных исследований, расширение их предметной сферы, формирование полей притяжения и новых возможностей в изучении личности, общества и пространства. Рассмотрен потенциал междисциплинарного взаимодействия концептов лингвистического и культурного ландшафтов со смежными дисциплинами: этногеографией, культурной географией, философией и культурологией. Показано, что интеграция лингвокультурного и культурно-ландшафтного подходов может способствовать разрешению методологических затруднений, которые встречаются при изучении локальных сообществ и этнокультурных ландшафтов.

Ключевые слова:

лингвистический ландшафт, культурный ландшафт, этнокультурный ландшафт, новая культурная география, социология пространства, социолингвистика, семиотика, этногеография, геосемиотика, этнические сообщества

Исследование выполнено за счет средств государственного задания (№ госрегистрации темы АААА-А21-121012190018-2).

Введение

Метафорическое поле термина «ландшафт» апеллирует к взаимосвязанному множеству явлений и процессов, которые формируют целостную картину. В буквальном значении в различных контекстах это – единство литогенной основы, климата, почв, биоты и гидрографии, природы и культуры; земельный надел; повседневная среда сельского жителя. Термин прочно утвердился в физической и культурной географии, став предметом исследования. Религиозный, демографический, социальный, урбанистический и иные «ландшафты» вошли в понятийные аппараты соответствующих дисциплин, привнося в них стремление охватить сложность в статике и динамике, вообразив ее «равнины» и «овраги», «плато» и «горные хребты». Стартовым моментом появления концепта лингвистического ландшафта стала фокусировка на внешних признаках языковой картины в обществе. Его хронологически первое и по сей день широко цитируемое определение подчеркивает многоязычие физического пространства: это «плакаты, рекламных щиты, таблицы уличных названий... вывески, несущие как информативную, так и символическую функции» [\[1, с. 25\]](#). Названные знаки можно отнести к языковым репрезентациям субкультуры, социального, этнического сообщества, профессиональной группы, что отвечает нуждам практического исследования (в цитируемой работе, к примеру, изучается «этнолингвистическая витальность»). И почти сразу же возникла необходимость более расширительного толкования, включения растущего числа контекстов и междисциплинарных перекрытий.

Поскольку этническое, культурное и лингвистическое разнообразие современного общества продолжает нарастать, на фоне сопоставления траекторий лингвистического и культурного ландшафтов важно обозначить сходства и различия, наметить «мосты» – концепты, ведущие к междисциплинарному диалогу, от которого выиграют оба направления. Материалы, использованные в работе, соответствуют постановке задачи и включают массив научной литературы по проблеме. В методическом отношении мы сосредоточились на анализе ключевых метафор и парадигм, предположив, что в случае ландшафтных исследований смена их не происходит резко, с отказом от прежних воззрений, а в наиболее жизнеспособном варианте представляет собой кумулятивное наращивание «корневой системы» дисциплины, когда часть предшествующих подходов, либо исследовательских техник становится элементом будущих разработок.

Анализируя оба направления, заметим, что современные исследовательские интересы можно описать метафорами, распространенными в культурной географии и социолингвистике: «ландшафт (пространство) есть язык», и «язык есть ландшафт (пространство). Для каждой из них предпочтителен свой набор подходов, при этом складываются продуктивные и неочевидные на первый взгляд области перекрытия. Две ключевые метафоры улавливают фундаментальную основу человеческого бытия. Это точно выразил Валерий Подорога: «Всякая мысль пространственна, и не только благодаря известным особенностям языка, но и телесной ориентации мыслящего: познавая, он активирует ближайшее пространство, наделяет его духовными интенциями, проектирует во вне, приближая к себе самое удаленное. ... Настаивая на термине «ландшафт», я лишь усиливаю акцент на экзистенциальной пространственности мысли» [\[2, с. 6\]](#).

Ландшафт как язык: подходы культурной географии

Сформулированный К. Зауэром в 1925 г. морфологический подход наследовал идеи немецкой ландшафтной школы, где преобладало его понимание как послойно организованной суммы материальных компонентов, посредника между человеческой деятельностью и природным ареалом. В большинстве работ того времени он трактуется как упорядоченное и гармоничное сочетание элементов живой и неживой природы, человеческой культуры и деятельности на земной поверхности, уже включающее в себя до определенной степени социальные отношения [\[3\]](#). В первой половине XX в. ландшафтные исследования фокусировались на самой территории и ее объектах. При этом трансформационные процессы и внутренние миры их авторов оставались за рамками интересов. В это время, несмотря на сильное влияние позитивизма, шло укрепление феноменологической парадигмы в гуманитарных науках: сциентистский безоценочный взгляд на ландшафт стал пополняться экзистенциальными, структуралистскими и семиотическими перспективами. Предметное поле культурного ландшафта развивалось от фиксации, картографирования и измерения объектов к включению личностного опыта и эмоционального отклика субъекта, что стало сферой интересов гуманистической географии. Она привнесла идею жизненного мира, фокус на повседневных практиках, сделав индивида автором и интерпретатором значений культурного ландшафта [\[4\]](#).

Изучая жизненные миры и опыт личности, географы-гуманисты поставили проблему вклада культурного ландшафта в формирование человеческой идентичности. В целом 1970-е гг. в культурной географии отличались довольно эклектичной мировоззренческой ситуацией. Множество работ по исследованию культурного ландшафта были созданы с

помощью синтеза разнородных философских, психологических, социолингвистических и историко-литературных подходов: феноменологии, экзистенциализма, структурализма, герменевтики. В итоге, стремление к беспристрастному описанию культурного ландшафта и выявлению априорно присущей ему «сути» было замещено сомнением в пригодности строгих научных методов, поскольку ландшафт следовало «читать», понимать и интерпретировать как книгу, следуя за интуицией и воображением. К 1980-м гг., при всей ценности исследований, исходящих из триединства восприятия, понимания и поведения [5] стало ясно, что феноменологическое направление не учитывает вопросы властных отношений, иерархий и неравенства. Неомарксистская и постколониальная критика, суть которой состояла в том, что гуманисты, концентрируясь на личностных мирах, игнорировали социальные грани культурного ландшафта, привела к новому этапу расширения сферы интересов и формированию «новой» культурной географии [6]. Это позволило не только обнаруживать ведущие пространственные процессы и осмысливать их эмоциональное наполнение, но и распознавать «невидимые» силы, отношения власти и потоки капитала, которые создают внешний облик обитаемого пространства и генерируют его смыслы. «Читать» ландшафт в данном подходе нужно с позиции беглого владения языками социальной власти, поскольку пространственная форма ландшафта – и результат, и подтверждение того, в каком обществе живут люди [7]. К этому времени сложился консенсус о том, что культурный ландшафт – один из метафорических «языков» современного общества. Материальные объекты, формы ландшафта принимают на себя закодированные послания и передают их дальше, создавая визуально-символическую картину ценностей и смыслов. Репрезентация культуры воплощается в символах и знаках, «присвоенных» архитектурой, природной средой, мозаикой мест, что позволило считать культурный ландшафт базисом построения социальной реальности, языком культурных процессов. Поскольку в обществе существуют соглашения о значениях, и всем его членам интуитивно понятны языковые коды, которые и составляют незримое «поле» культуры, то культурный ландшафт приобретает свойство коммуникативной системы. Ландшафт может рассматриваться как система коммуникации, язык, где строения, объекты, здания, дороги их порядок, паттерн играют роль, подобную словам и фразам [8, p. 29]. Представление о разнообразии течений в русле новой культурной географии, связанных с текстуальными и лингвистическими аспектами культурного ландшафта, дает табл. 1.

Таблица 1.

Направления, задачи и ключевые образы культурного ландшафта в новой культурной географии

Направление исследований	Ключевой образ культурного ландшафта (КЛ)	Оси и задачи исследования
Социальный конструктивизм	«Воображаемый» конструкт	Выявление вклада социальных групп, классов, страт, этничности, политики, религий, территории в создание ландшафтного конструкта
Постструктурализм, семиотика ландшафта	Текст, коммуникативная система, язык	Деконструкция ландшафтного текста, выявление «соглашений о значениях», принятых в обществе и его группах «по умолчанию»
Дискурсивные	Воплощенный	Поиск конкурирующих

исследования	дискурс/идеология	(доминантных и исключенных) дискурсов в пространстве
Интерпретация ландшафта	Послание, самопрезентация общества	Поиск «ключей» интерпретации: репертуар знаков и форм, послание, «увиденное» наблюдателем и инсайдером, послание, «отправленное» актором Интерпретация с помощью ключей применительно к исследовательским осям, среди которых: идентичности, время, культурный капитал, ценности, экономика, идеология, религия и др.

Источник: [\[3; 8\]](#).

Стремление синтезировать природные и культурные стороны ландшафта в семиосфере, не прибегая к «послойной» метафоре сциентизма, проявилось в работах отечественных исследователей: согласно В. Л. Каганскому: «Культурный ландшафт – земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей, если это пространство одновременно цельно и структурировано, содержит природные и культурные компоненты, освоено утилитарно, семантически и символически» [\[9\]](#). О. В. Лавренова трактует культурный ландшафт как «процесс и результат наделения человеком окружающего мира смысло-ценностными категориями, как непрекращающийся процесс и результат семиозиса, как составляющую семиосферы и кластер геокультурного пространства» [\[10\]](#).

Отечественная школа изучения этнокультурного ландшафта тяготеет к большей связи с «землей», культурой местного сообщества и сохранением традиций. Одно из наиболее удачных, по нашему мнению, определений акцентирует «динамическое единство мировоззрения, поведения, культурно-хозяйственных стратегий этнического сообщества и географического ареала, служащего ареной их материального воплощения» [\[11\]](#). К основным критериям выделения регионального и локального этнокультурного ландшафта могут быть причислены: сохранение традиционных форм архитектуры, планировки и природопользования, устойчивость образа места [\[12\]](#). Лексико-географический метод предполагает опору на ландшафт в естественно-географическом смысле, полимасштабность его территориальной морфологической структуры, которая отражена в системах языка и топонимии [\[13\]](#). При этом обнаружена смысловая близость исследований этнокультурного ландшафта с комплексным изучением реальных географических объектов и их лингвистических диалектных образов в рамках поселенческих систем [\[14\]](#). Понятие топонимического каркаса культурного ландшафта, дифференцированного на «вертикальные» топонимические временные слои и «горизонтальные» территориальные информационные узлы может стать базисом практического применения в конкретных этнолингвистических ландшафтах [\[15\]](#).

Язык как ландшафт: социолингвистика и междисциплинарный взгляд

Лингвистический ландшафт, с одной стороны, обращается к изучению языков с социолингвистической позиции, а с другой – не может обойтись без репрезентации

языкового разнообразия в географическом пространстве, что связано с идентичностью, культурной глобализацией, изменчивостью этнической палитры мира. Первоначально интенция исследования лингвистических ландшафтов заключалась в том, чтобы «добавить еще один взгляд на наши знания о социальном многоязычии, сосредоточившись на выборе языка, иерархии языков, явлениях контакта, правилах и аспектах грамотности... с точки зрения прикладной лингвистики или социолингвистики, включая перспективу языковой политики» [\[16, p.81.\]](#).

Взаимодействие лингвистической антропологии, социальной психологии и географии вызвало к жизни идеи, которые впоследствии оформились в направление геосемиотики [\[17\]](#). Данное направление исходит из того, что знаки, руководящие ими дискурсы и конкретные места образуют материальный мир, наполненный социальными значениями. Декодирование этих значений обеспечивается удержанием двойного фокуса внимания: на социальности и материальности, которые взаимно обуславливают друг друга. Геосемиотические лингволандшафтные исследования близки подобным в культурно-ландшафтной области. Они рассматривают порядок взаимодействия, визуальные семиотические знаки (таблички, объявления и граффити, упомянутые в определении лингвистического ландшафта), а также семиотику географически конкретизированного пространства – архитектуру и планировку, значения, приписанные местам, что выражается в дискурсе места. Такие дискурсы могут быть социокультурным, «выращенным» из традиций и глубокого знания территории, либо сформированы вне локального социокультурного поля. Многие ответы на вопрос: «где в камне находятся значения?» [\[17\]](#), с развитием критической и политико-экономической теории помещаются в плоскости социальных взаимодействий, классовой борьбы, неоднородном распределении «замороженного» в ландшафте капитала (табл.2).

Таблица 2.

Линии исследования лингвистического ландшафта

Линии исследования лингвистического ландшафта	Области фокусировки исследователей
Лингвистическая	Язык в пространственных символах Статус языка Территориальная языковая политика Социолингвистические аспекты власти Социологические грани использования языка в городе Знаки устной и письменной речи
Пересечение лингвистической и пространственной линий	Идентичность и мозаика идентичностей «Язык знаков» и физических объектов Пространственные практики и поведение, выражающие лингвистическое и культурное своеобразие
Пространственная	Лингвистические и нелингвистические

	символы в пространстве
	Отражение социальной жизни в знаковой форме

Источник: [\[18;19\]](#).

В первое десятилетие XXI в. лингвистический ландшафт рассматривался преимущественно относительно многоязычного этносоциального пространства. Расширение проблемного поля происходило в направлении множественности форм создания смысла во всех видах физических, цифровых и сенсорных сред с учетом широты спектра мотивов, установок и реакций на изменчивость лингвистической ситуации. Концепт лингвистического ландшафта показал свою продуктивность в педагогике, в виртуальном пространстве сети Интернет, «проверяя границы того, что обычно считается социальным пространством» [\[20\]](#). Также, как и в случае культурного ландшафта, содержание базовой предметной категории отражается в целях, задачах и методах исследования, при этом не принципиально, будет ли это научный концепт или метафора, к примеру, «отражение», «зеркало» (табл. 3).

Таблица 3.

Современные трактовки и направления исследования лингвистического ландшафта

Трактовка лингвистического ландшафта	Парадигмы, области интересов, методы и задачи
Визуальная репрезентация многоязычного пространства	<i>Ведущая парадигма:</i> описательная <i>Область интересов:</i> видимые лингвистические артефакты в пространстве <i>Методы и задачи:</i> выявление, картирование, классификация языков, анализ частотности языковых знаков и их распространения в конкретных географических ареалах
Зеркало социальной сложности, проявление связей идентичности, культуры и языков в формировании пространства.	<i>Ведущая парадигма:</i> социодинамическая <i>Область интересов:</i> взаимное влияние культурных, политических отношений, идентичностей, языков в социальном пространстве. Преимущество власти и идеологии <i>Методы и задачи:</i> с помощью дискурс-анализа и семиотических техник выявить символические и дискурсивные размерности языка в социальном пространстве
Пространственная семиотическая система, состоит из видимых знаков, их значения не	<i>Ведущая парадигма:</i> семиотическая <i>Область интересов:</i> локализация и специфика лингвистических и нелингвистических символов в передаче социокультурных сообщений, дискурсов, идеологий и динамики власти

буквальны	<i>Методы и задачи:</i> интерпретация полимодальных символов пространства как знаковых систем. Анализ символических и дискурсивных аспектов языка, воплощенного в предметной среде
Результат действия множественности социальных контекстов, власти, дисбалансов, неравенств, скрытых иерархий	<i>Ведущая парадигма:</i> критическая <i>Область интересов:</i> социально-политические правила и нормы, запечатленные в лингвистическом образе социального пространства <i>Методы и задачи:</i> деконструкция, критическое изучение структур власти, философии и идей, лежащих в основе анализа языковых ландшафтов для содействия социальной справедливости
Отражение унаследованных колониальных неравенств в пространстве	<i>Ведущая парадигма</i> постколониальная. <i>Область интересов:</i> выбор языка в общественных пространствах, лингвистическое неравенство, «лингвистический империализм» <i>Методы и задачи:</i> с помощью критической теории, методов постструктуралистской деконструкции, интерпретации и репрезентации выявить место колониального прошлого в современных пространственных дискурсах.
Полимодальный феномен, в котором проявляется множество дисциплинарных «языков»	<i>Ведущая парадигма:</i> трансдисциплинарная. <i>Область интересов:</i> взаимное сотрудничество лингвистики, антропологии, социологии, семиотики, культурной и политической географии, урбанистики. <i>Методы и задачи:</i> интеграция теорий и подходов для выработки междисциплинарного, целостного понимания сложной природы лингвистического ландшафта

Источник: [\[21;22\]](#).

Этнологическая перспектива изучения лингвистического ландшафта сфокусирована на качественных методах: наблюдение, взаимодействие и выяснение восприятия геосемиотических знаков делают участника исследования его соавтором. Подобные исследования традиционно проводились культурными антропологами и этнографами применительно к индигенным народам. «Транзит» подходов и методов данных дисциплин в область современных многоязычных пространств открывает взгляду ряд новых возможностей. Социолингвист И. Шохами полагает, что динамичный, закреплённый в предметной среде, политической, социальной и экономической структуре лингвистический ландшафт обладает огромной социальной и исследовательской важностью. «Являются ли все эти компоненты «языками»? Нужно ли ограничивать расширенное значение «языка» словами? Разве здание не является языком, когда речь идет о социальном пространстве? Разве движение, танец, еда, тела не являются

языками, которые предоставляют и посылают значения другим?» [\[22, p. 154\]](#).

В итоге, исследования лингвистического ландшафта проходят сходные этапы и сталкиваются с теми же вызовами, что и культурно-ландшафтные направления. Лингвистический ландшафт апеллирует к координации и согласованности множества этнических, политических, экономических, культурных, локальных и глобальных процессов. Он одновременно – актор, индикатор, система коммуникации и «зеркало» социальной реальности, действующее в условиях «созвездия контекстов» [\[23\]](#).

Заключение

С момента оформления ландшафтной концепции и по сей день траектория исследования культурного ландшафта эволюционировала, преодолевая и включая в себя достижения несхожих, полемизирующих друг с другом философских оснований, мировоззренческих парадигм, к основным из которых принадлежат сциентистская, феноменологическая (гуманистическая) и постмодернистская (аккумулировавшая разнородные течения), а также системные подходы. Исследования лингвистического ландшафта почти на век «моложе» ландшафта культурного, но даже краткий анализ содержания обнаруживает много общего: от сциентистской к системной, феноменологической (гуманистической) и постмодернистской (неомарксистской, критической, дискурсивной) парадигмам наблюдается усложнение и расширение исследовательских интересов, все более глубоким и междисциплинарным становится предмет изучения. Но даже в начале становления лингвистический ландшафт был «задуман» как сложное и яркое концептуальное образование: «...мы имеем в виду гештальт, состоящий из физических объектов, магазинов, почтовых отделений, киосков и т. д., связанных с цветами, степенями заметности, определенными местоположениями и, прежде всего, письменными словами, которые их маркируют. Все эти объекты отмечены лингвистическими элементами, указывающими на то, что они обозначают ...изучение этих лингвистических элементов, взятых в целом в данной среде, очерчивает область, которая требует систематического исследования, так как может представлять собой интересный способ раскрытия социальных реалий» [\[23, p. 8\]](#). Затронутые в работе социально-философские течения продуктивны в адаптации к проблематике культурного и лингвистического ландшафтов.

И лингвистический, и культурный ландшафт проявляются и конструируются в жизненном мире личности, проходят через фильтры групповых культурных консенсусов и интерпретаций, имеют богатое значениями объектное «тело» материальной среды, выражают социально-экономические и культурно-экологические системные черты. В интегральном исследовании культурного ландшафта мы отмечали, что объектный, личностный, intersubъектный (культурный), интеробъектный (системный) домены теоретических подходов и поднятых ими проблем обладают равной значимостью, ни один из них нельзя игнорировать, если мы хотим получить полную картину [\[3\]](#). Таким образом, сциентизм, феноменология, постмодернизм и системные подходы как мировоззренческие парадигмы образуют непротиворечивую целостность, примененные каждая к своей предметной сфере. В случае лингвистического ландшафта мы наблюдаем ту же картину: целостность достижима с помощью взаимно дополнительного развития. Вместе с тем каждая из названных сфер исследования и мировоззренческих парадигм наиболее продуктивна в контексте трех остальных. Не борьба и вытеснение, а взаимное дополнение будут целью исследовательского синтеза. Подтверждением сказанному служат новейшие публикации: качественные и количественные методы, фиксация объектных следов языков, глубокая и вдумчивая интерпретативная работа,

деконструкция пространственно-лингвистического текста и социальная критика могут продуктивно сочетаться в одном исследовании, что, например, отражается в свежих обзорах [\[19; 20\]](#).

«Ступени» внедрения ключевых теоретических подходов в изучении лингвистического и культурного ландшафтов схожи, однако в первом случае выше темпы, с которыми новые парадигмы входят в рабочий процесс. Поскольку предметная область в обоих направлениях – ландшафт, то междисциплинарное взаимодействие концептов «заложено» изначально в базовые пресуппозиции исследований. Две ключевые метафоры: «язык как пространство» и «пространство как язык» обеспечивают как интеграцию лингвокультурного и культурно-ландшафтного направлений, так и способствуют прояснению дисциплинарной специфики. Это четкое понимание может помочь в преодолении методологических затруднений, которые встречаются при изучении этнолокальных сообществ, что позволит углубить понятие этнокультурного ландшафта.

Библиография

1. Landry R., Bourhis R. Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study // *Journal of language and social psychology*. 1997. Vol. 16. No. 1. Pp. 23–49.
2. Подорога В. А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX веков. М.: Канон+, 2013.
3. Рагулина М. В. Культурный ландшафт: интегральный взгляд. Ульяновск: Зебра, 2015.
4. Buttner A. Grasping the dynamism of lifeworld // *Annals of the association of American geographers*. 1976. Vol. 66. No. 2. Pp. 277–292.
5. Костинский Г.Д. Установка сознания и представление о различных традициях в географии // *Изв. АН СССР. Сер. геогр.* 1990. № 5. С. 123–128.
6. Philo C. More words, more worlds: reflections on the 'cultural turn' and human geography // *Cultural turns/geographical turns*. Routledge, 2018. Pp. 26–53.
7. Mitchell D. New axioms for reading the landscape: Paying attention to political economy and social justice // *Political economies of landscape change: Places of integrative power*. Dordrecht : Springer Netherlands, 2008. Pp. 29–50.
8. Czepczynski M. Cultural landscapes of post-socialist cities: representation of powers and needs. Routledge, 2016.
9. Каганский В. Л. Ландшафт и культура // *Общественные науки и современность*. 1997. № 1. С. 134–145.
10. Лавренова О. А. Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта. М.: Институт Наследия, 2010.
11. Цыдыпова Л. С. Историко-географические особенности формирования этнокультурного ландшафта Баргузинского Прибайкалья. М.: «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2018.
12. Калущков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008.
13. Соколова А.А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007.
14. Соколова А. А. Еще раз про ландшафт, культурную географию, этнокультурное и лингвокультурное // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*. 2011. № 1. С. 114–123.
15. Соколова, А. А. Топонимический каркас культурного ландшафта // *Современные направления развития физической географии: научные и образовательные аспекты в целях устойчивого развития: Материалы международной научно-практической конференции*. Минск: Белорусский государственный университет, 2019. С. 594–597.

16. Gorter D. Further Possibilities for Linguistic // Linguistic Landscape. 2006. P. 81.
17. Scollon, R., Wong Scollon, S. // Discourse in Place: Language in the Material World. London: Routledge, 2016.
18. Abramova E. I. Linguistic Landscape as an object of sociolinguistics // Russian Linguistic Bulletin. 2016. No. 2 (6). Pp. 48–49.
19. Fu W., Yang H. A Review of Research on the Relationship between Linguistic Landscape and Space // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15. №. 2. С. 17–23.
20. Blackwood, R., & Amos, W. (2023). Linguistic landscapes. In The Routledge Handbook of Applied Linguistics (pp. 337–348). Routledge.
21. Ismail N. M., Kurniadi S. Reconsidering linguistic landscape analysis: a review // Language Horizon. 2023. Vol. 11. No. 3. Pp. 18–23.
22. Shohamy E. LL research as expanding language and language policy // Linguistic Landscape. 2015. Vol. 1. No. 1–2. Pp. 152–171.
23. Ben-Rafael E. et al. Linguistic landscape as symbolic construction of the public space: The case of Israel // International journal of multilingualism. 2006. Vol. 3. No. 1. Pp. 7–30.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются лингвистический и культурный ландшафты в междисциплинарном взаимодействии в контексте современных подходов к исследованию.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье в рамках междисциплинарного подхода были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, метод синтеза, метод сравнения.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку категория ландшафта рассматривается с различных точек зрения и изучается в рамках междисциплинарного подхода разными науками. Феномены лингвистических и культурных ландшафтов является многоаспектным и многогранным, что требует современных подходов к исследованию. В этом контексте изучение этих феноменов с учетом междисциплинарного взаимодействия представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна исследования заключается в изучении по авторской методике лингвистического и культурного ландшафтов в междисциплинарном взаимодействии в контексте современных подходов к исследованию.

Статья написана языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, характеризующих предметную область исследования.

Структура статьи, к сожалению, не выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, в структуре данного исследования выделены такие элементы как введение, основная часть, заключение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет отмеченная в ходе исследования тенденция, что «лингвистический ландшафт, с одной стороны, обращается к изучению языков с социолингвистической позиции, а с другой – не может обойтись без репрезентации языкового разнообразия в географическом пространстве, что связано с идентичностью, культурной глобализацией, изменчивостью

этнической палитры мира». Линии исследования лингвистического ландшафта и области фокусировки исследователей наглядно представлены в таблице 2.

Библиография содержит 23 источника, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и неперiodические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих различные аспекты исследования лингвистического и культурного ландшафтов. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что ««ступени» внедрения ключевых теоретических подходов в изучении лингвистического и культурного ландшафтов схожи, однако в первом случае выше темпы, с которыми новые парадигмы входят в рабочий процесс. Поскольку предметная область в обоих направлениях – ландшафт, то междисциплинарное взаимодействие концептов «заложено» изначально в базовые пресуппозиции исследований. Две ключевые метафоры: «язык как пространство» и «пространство как язык обеспечивают как интеграцию лингвокультурного и культурно-ландшафтного направлений, так и способствуют прояснению дисциплинарной специфики. Это четкое понимание может помочь в преодолении методологических затруднений, которые встречаются при изучении этнолокальных сообществ, что позволит углубить понятие этнокультурного ландшафта».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, культурологами, лингвистами, антропологами, социологами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что необходимо выделить и обозначить, а при необходимости, дополнить рукопись структурными элементами, которые должны быть в научной статье, а в данной рукописи они либо отсутствуют, либо представлены частично. В частности, необходимо выделить и отдельно обозначить обзор литературы, более конкретно описать методологию исследования, обозначить результаты исследования, обсуждение результатов исследования, по возможности, сформулировать выводы, а не ограничиваться только обобщающим заключением. При оформлении таблиц необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, оформить их в соответствии с этими требованиями. Указанные недостатки не снижают научную значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить, доработать текст статьи в плане его структуры. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.